

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
КОНОНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1 9 8 6

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

А. Д. Желтяков

АКАДЕМИК А. Н. КОНОНОВ КАК ИСТОРИК РУССКОГО И СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Все, кто знает Андрея Николаевича Коконова, особенно его ученики и коллеги по работе, не раз имели возможность убедиться в его обширных знаниях, глубокой эрудированности в вопросах истории культуры и науки нашей Родины. Будучи филологом-востоковедом, исследователем тюркских языков и памятников тюркской письменности по преимуществу, А. Н. Кононов вместе с тем внес крупный вклад в изучение истории отечественного востоковедения, особенно истории становления и развития русской и советской тюркологии.

Для человека любой науки интерес к «матери наук» — истории — не прихоть праздного ума. Всякий ученый, особенно крупный, в процессе занятий определенной областью человеческих знаний неизбежно сталкивается с потребностью, необходимостью не только познать итоговый результат исследований предшественников, но и проследить сам путь их научных поисков, нередко весьма тернистый, представить живых людей, которые по нему прошли, и условия, в которых протекало их творчество. Объясняя главные причины, побудившие его обратиться к изучению истории русского востоковедения, А. Н. Кононов писал: «История любой дисциплины не только напоминает о пройденном пути, успехах и неудачах тех, кто проделал его, но и указывает направление, а часто и способы дальнейших поисков и предостерегает исследователей от повторения ошибок, сделанных предшественниками».¹ Вся творческая биография автора этих слов, крупного организатора и признанного главы советской тюркологии, доказывает, что изучение истории развития науки — важнейшее условие дальнейшего движения вперед.

В нашей научной печати уже отмечалось особое место А. Н. Коконова в создании историографических трудов по востоковедению, особенно по тюркологии.² В предлагаемой статье сделана попытка дополнить обзор деятельности ученого в этой области, не претендуя при этом на исчерпание темы.

Как знаток и исследователь истории отечественного востоковедения А. Н. Кононов впервые выступил не с печатными трудами,

а в своих лекционных курсах, в занятиях со студентами турецкого отделения Восточного факультета Ленинградского университета. Во всяком случае, именно так начиналось знакомство с этой материей для нас, студентов первого послевоенного приема, когда решением правительства в ЛГУ было восстановлено комплексное изучение языков, литератур и истории Востока на факультетском уровне. Во второй половине 40-х годов А. Н. Кононов, тогда доцент, затем профессор кафедры тюркской филологии в общих и специальных своих курсах и на практических занятиях по турецкому языку, — а то было время, когда Андрей Николаевич вел и грамматику, и перевод текстов, и разговорный язык и мы встречались с ним в аудитории едва ли не каждый день, — познакомил нас со многими фактами истории отечественной тюркологии, смежных областей востоковедения (арабистики, иранистики, монголоведения), с биографиями ученых, прославивших русскую и советскую ориенталистику. Чаще всего это были запоминающиеся своими яркими подробностями, деталями рассказы о людях науки и их трудах, и мы воспринимали их как наставление и призыв. В самом высоком смысле эти лекции А. Н. Коконова были глубоко патриотичными. Читая позднее опубликованные работы А. Н. Коконова, я увидел, что именно на нас, студентах 40-х годов, были апробированы те идеи, которые много лет спустя оформились в целое направление в творчестве ученого. Начиная с того времени в течение последующих десятилетий А. Н. Кононов постоянно накапливал и фактический материал для своих историко-научных трудов.

Сказанное выше объясняет неслучайность того факта, что первая серия печатных работ А. Н. Коконова по истории русского и советского востоковедения появилась в середине 50-х годов, когда Восточный факультет ЛГУ отмечал столетний юбилей своего основания.³ В статьях, связанных с этим важным в истории отечественной науки событием, А. Н. Кононов дал обстоятельный обзор основных этапов становления петербургского и ленинградского университетского востоковедения начиная с основания университета, характеризовал созданный в 1855 г. Факультет восточных языков (ФВЯ) как крупнейший учебный и научный востоковедный центр страны. Уже в этих публикациях А. Н. Кононов подвел некоторые итоги развития не только университетского и петербургского, но и всего русского востоковедения дооктябрьского периода. Развивая и уточняя известное высказывание В. В. Бартольда о выдающемся месте русского востоковедения в мировой ориенталистике,⁴ он писал, что дореволюционное «русское востоковедение создало такие разделы ориенталистики, как кавказоведение, монголоведение, тюркология, внесло свой крупный вклад в развитие арабской, иранской, китайской, индийской, семитической филологии, сделало крупные успехи в египтологии, ассириологии и эфиопской филологии. Русские востоковеды вообще и ФВЯ в частности пришли к Октябрьской революции с общепризнанными достижениями».⁵

В этих же работах А. Н. Кононова были прослежены основные направления изучения Востока и преподавания востоковедных дисциплин в Ленинградском университете в послеоктябрьский период, определены свойственные всей советской науке качественные изменения в тематике и методологии исследований по истории и культуре народов Востока при сохранении и использовании лучших традиций и техники историко-филологического метода, выработанного выдающимися востоковедами прошлого. Здесь следует особо отметить, что как профессор и заведующий кафедрой тюркской филологии (1949—1972) и декан Восточного факультета (1953—1954) А. Н. Кононов принимал самое деятельное участие в той реорганизации университетского востоковедения 50-х годов, которая по праву должна считаться важной вехой в истории советской ориенталистики. В частности, он проявил инициативу в том, чтобы Восточный факультет ЛГУ был переведен на индивидуальный учебный план, в организации, впервые в стране, преподавания и подготовки молодых специалистов по новым, актуальным специальностям: бирманская, вьетнамская, индонезийская филология, семитология и ряд других.

Разработка вопросов истории отечественного востоковедения была продолжена А. Н. Кононовым в специальных разделах, опубликованных в фундаментальном труде по истории Академии наук СССР.⁶ В этом труде А. Н. Кононов дал обстоятельный очерк становления и развития учебно-практического и научного востоковедения в России от преобразовательной деятельности Петра I до Октябрьской революции, выделил особую роль Азиатского музея, ФВЯ С.-Петербургского университета и Восточного отделения Русского археологического общества в организации ориенталистических исследований, накоплении рукописных и книжных фондов, формировании научных экспедиций, что в совокупности уже в середине XIX в. обеспечило русскому востоковедению крупный успех «в изучении Китая, Монголии, Средней Азии, Кавказа, Ирана, Афганистана в историческом, географическом, этнографическом и лингвистическом отношениях»,⁷ а в конце столетия поставило его «в один ряд с лучшими европейскими ориенталистическими национальными школами».⁸

На основе проведенного им тщательного анализа деятельности крупнейших российских востоковедов, занимавшихся одновременно языками, литературами и историей народов Востока, А. Н. Кононов показал комплексный характер научного востоковедения в России, его филологическую основу. «Все востоковеды, — писал он, — без различия их непосредственных интересов и узкой специализации, были филологами по приемам и методам исследования».⁹ И хотя во второй половине XIX в. в русском востоковедении стала намечаться закономерная тенденция к выделению самостоятельных дисциплин — восточного языкознания, истории, истории культуры, литературы, религий народов Востока, — филологический метод, предполагавший обязательное владение материалом на языке изучаемой страны (чаще региона)

Востока, сохранялся, являясь первым и необходимым залогом оригинальности научного исследования в любой области и специализации ориенталистики. Спустя двадцать лет, подчеркивая важность высокой филологической подготовки востоковеда, А. Н. Кононов напишет, что «только восточная филология во всех ее многочисленных проявлениях делает востоковеда востоковедом, что не всегда достаточно понимают в наше время».¹⁰ Эта же мысль проводится ученым и в ряде других работ.¹¹

В трудах А. Н. Кононова выработаны принципиальные, концептуальные положения и выводы о месте и роли русского востоковедения в истории мировой ориенталистики. Один из таких фундаментальных выводов трактует русскую ориенталистику как составную часть передовой общественной мысли дореволюционной России. Анализируя содержание как исследовательских работ, так и учебной подготовки в области востоковедения России того времени, А. Н. Кононов подчеркивал: «Русское востоковедение, в частности университетское, отличалось прогрессивными устремлениями; ему не был свойственен расизм, широко распространенный на Западе. Русское университетское востоковедение, в отличие от западной университетской ориенталистики, не было связано ни с богословскими, ни с миссионерскими целями; оно было светским и научным. На русское востоковедение, на передовую часть его представителей оказало свое влияние прогрессивное, гуманистическое направление общественной мысли тогдашней России. В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов проявляли неустанный интерес к Востоку, всегда с чувством глубокой симпатии относились к поработанным народам. Благотворное влияние русских революционных демократов испытали на себе многие выдающиеся деятели русского востоковедения».¹²

Выработанные на фактах истории всего русского академического и университетского востоковедения концепции и выводы были развиты и детализованы А. Н. Кононовым в его работах по истории отечественной тюркологии, изучение которой является главным направлением историографических исследований ученого. Первые публикации А. Н. Кононова в этой области были посвящены истории изучения турецкого и других тюркских языков в дооктябрьской России.¹³ Он объяснил в них причины особого, часто вынужденного обстоятельствами исторического развития России интереса русских людей к языкам и народам Востока, в первую очередь тюркским; он показал, что целенаправленное их изучение в России было положено мероприятиями Петра I, который первым понял, что «всестороннее изучение Востока является для России предприятием первостепенной важности и что для изучения Востока необходимо создать прежде всего кадры специалистов-востоковедов»,¹⁴ отметил исключительную важность первых достижений русской тюркологии XVIII в. (собираание материалов, накопление опыта преподавания, составление тюркских словарей и грамматик) для ее признанных успехов в XIX—XX вв.¹⁵

Многолетние научные изыскания в этой области востоковедения были обобщены А. Н. Кононовым в его фундаментальном монографическом исследовании по истории изучения тюркских языков в России в дооктябрьский период, вышедшем двумя изданиями в 1972 и 1982 гг.¹⁶ Этот труд сразу получил высокую оценку в рецензиях и работах советских тюркологов.¹⁷ Он стал важным пособием для любого специалиста, занимающегося историей, этнографией, литературами и языками тюркских народов, а также историей русской науки, изучением культурных и научных связей России с османской Турцией и другими странами Востока. В шести главах книги (второго издания) прослеживаются предистория русской тюркологии (до начала XVIII в.), зарождение научной тюркологии в России (начало XVIII в.), развитие тюркского языкознания в Академии наук (XIX—начало XX в.), преподавание тюркских языков в русских учебных заведениях (XVIII—начало XX в.), дается обзор основных тюркских грамматик, словарей, учебных пособий, экскурс в изучение отдельных тюркоязычных памятников, классификация тюркских языков в трудах отечественных ученых той поры, характеризуются основные направления их изучения. Все эти и некоторые другие вопросы рассматриваются в нашей (и мировой) науке в их взаимосвязи впервые. Как справедливо отмечает сам автор, до выхода его труда в нашей историографии нельзя было «назвать ни одной книги, в которой история изучения тюркских языков в России излагалась бы систематически с момента ее зарождения. . . до Великой Октябрьской социалистической революции».¹⁸

Однако научное и справочно-познавательное значение этой монографии А. Н. Кононова отнюдь не только в том, что в ней впервые изложена фактическая история становления и развития тюркологических знаний в России до начала XX столетия, хотя это само по себе требовало и большого труда, и разносторонней эрудиции. Не повторяя того, о чем писали рецензенты, необходимо отметить еще одно важное достоинство названной книги. Для написания своего труда А. Н. Кононов привлек большое число самых разнообразных источников, включая правительственные акты, прессу, материалы государственных учреждений, деятелей науки, а также обширную специальную и общеисторическую литературу. В результате поэтапное аналитическое обозрение развития русской тюркологии предстает перед читателем как органическая часть истории общественной, научной и культурной жизни России. Развитие тюркологических знаний, прослеженное на протяжении многих веков, позволяет судить и об общем процессе культурной эволюции русского общества, и о степени его осведомленности о соседних, восточных народах и странах, об отношении его к происходившим там событиям. Тем самым сделан немалый шаг в изучении не одного только востоковедения России, но и в целом отечественной науки и культуры.

Ценным дополнением к этой монографии явился созданный под руководством и при активном участии А. Н. Кононова био-

библиографический словарь отечественных тюркологов.¹⁹ Помимо обширного введения (с. 9—90), характеризующего в более сжатом, чем в монографии, виде историю изучения тюркских языков в России, А. Н. Кононов написал для «Словаря» свыше 60 статей о ведущих тюркологах, деятельность которых протекала целиком или начиналась в дореволюционную пору. В совокупности эти две книги представляют своеобразную научную энциклопедию по основным вопросам истории русской тюркологии и настольный справочник об ученых-тюркологах, их трудах, научных и учебных центрах и учреждениях, в которых изучали и преподавали тюркские языки.²⁰

Самое пристальное внимание А. Н. Кононов уделяет изучению истории востоковедения и преподавания востоковедных дисциплин в нашей стране в послеоктябрьскую эпоху. Только по проблемам истории тюркской филологии в научных и учебных центрах СССР им опубликовано свыше 20 работ (статей, докладов, брошюр, книг).²¹ В этих работах на большом фактическом материале и с присущей ученому основательностью раскрыта огромная научная и практическая значимость тюркского языкознания и ряда других тюркологических дисциплин для строительства нового, советского государства. В обобщающем аналитическом обзоре развития тюркской филологии за 50 лет Советской власти А. Н. Кононов писал: «Великая Октябрьская социалистическая революция, возродившая к активной жизни отсталые народы и народности России, поставила перед советской тюркологией новые сложные задачи. Претворение в жизнь ленинской национальной политики на Советском Востоке оказало самое непосредственное воздействие на развитие отечественного востоковедения в целом, в том числе на развитие советской тюркологии».²² Общегосударственная значимость тюркской филологии в СССР, подчеркивал ученый, определяется тем, что на тюркских языках говорит население пяти союзных и шести автономных республик, они являются родными для ряда народностей во многих других районах страны. В целом «тюркские языки в СССР по численности говорящего на них населения занимают второе место после славянских языков».²³

В названном выше обзоре А. Н. Кононов проследил в главных чертах этапы развития тюркологии за годы Советской власти, характеризовал организационные мероприятия Советского государства в реорганизации старых и создании новых востоковедных, в том числе тюркологических научных центров и учебных заведений, отметил заслуги советских тюркологов в создании новой письменности для тюркоязычных народов и народностей СССР, подчеркнул подъем тюркологических исследований в национальных республиках Советского Востока, формирование там собственных национальных кадров ученых-тюркологов, что поставило в порядок дня задачу объединения сил традиционных и новых центров востоковедения для решения общих научных и практических проблем. В этой работе А. Н. Кононов подвел главные

итоги исследовательской деятельности советских тюркологов в таких основных направлениях, как фонетика и грамматика современных тюркских языков, лексикография и лексикология, диалектография и диалектология, история формирования тюркских национальных языков, изучение и издание памятников тюркской письменности, историческая фонетика и грамматика тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков, «алтайская теория» и тюркское языкознание, описание тюркоязычных рукописей библиотек СССР, история и библиография отечественной тюркской филологии.²¹ Самостоятельный интерес для историографии советской тюркологии имеет приведенная в конце брошюры, в сущности исчерпывающая библиография трудов, опубликованных тюркологами нашей страны за полвека.²⁵

К 60-летию Октября эта капитальная по содержанию публикация была дополнена новым аналитическим обзором, который не только подводил итоги работы советских тюркологов за прошедшее десятилетие, но и формулировал (в 14 пунктах) программу новых исследований на ближайшую перспективу.²⁶ За это время в научной жизни советских тюркологов произошли два важных события: благодаря инициативе и организаторской деятельности А. Н. Кононова в 1970 г. начал выходить всесоюзный тюркологический журнал «Советская тюркология», а в 1973 г. при Отделении литературы и языка АН СССР был создан Советский комитет тюркологов.²⁷

Помимо рассмотренных выше и некоторых других общих и по необходимости сравнительно кратких обзоров развития тюркской филологии в стране в целом²⁸ А. Н. Кононов написал ряд работ о тюркологических исследованиях и подготовке кадров тюркологов в его родном городе — Ленинграде, уделив при этом особое внимание научным связям и помощи, которую оказали ленинградские тюркологи становлению тюркологии в национальных республиках и областях. Подчеркивая общность задач, объединяющих ленинградских ученых в единое целое со всей советской тюркологией, он подчеркнул и их особую ответственность в изучении коллекций тюркских письменных памятников, хранящихся в библиотеках Ленинграда.²⁹

С многолетней научной и педагогической деятельностью А. Н. Кононова в Ленинграде связаны и две его крупные историографические работы, опубликованные в 70-х годах. Ровно полвека он преподавал турецкий язык сначала в Ленинградском Восточном институте (ЛВИ), затем в ЛГУ. К истории изучения турецкого языка А. Н. Кононов неоднократно обращался в своих университетских курсах. В результате возник «Очерк истории изучения турецкого языка» — книга, которую сам автор считает «конспективным изложением уже имеющегося фактического материала, собранного мной в течение многих лет занятий турецким языком».³⁰ В этом «Очерке»³¹ А. Н. Кононов дает сжатое обозрение истории изучения турецкого языка в странах Европы (Италия, Франция,

Австрия, Германия, Англия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Чехословакия, Югославия, Финляндия, Норвегия, Дания), в России и СССР, в Турции, в США и Японии, а также лаконичную справку об изучении турецких диалектов и (в приложениях) списки опубликованных в России и СССР грамматик, монографий, учебников, разговорников, словарей, основных библиографических справочников по турецкому языкознанию и защищенных диссертаций. Включение в «Очерк» столь значительного библиографического материала при том, что сама книга написана на основе свыше 300 различных публикаций источников и исследований на русском, турецком и западных языках, делает ее особенно полезной для историков востоковедения, всех туркологов. Как и в других своих историографических работах, А. Н. Кононов увязывает факты истории изучения языка, в данном случае турецкого, с событиями общественно-политической и культурной жизни соответствующих государств. Он стремится показать причины, побудившие соседние с Турцией или отдаленные страны и народы обратиться к изучению турецкого языка, в ряде случаев упоминает факторы, определившие переход от чисто практического усвоения турецкого языка к научным исследованиям в области турецкого языкознания. Автор подчеркивает новаторский характер вклада русских и советских ученых в изучение турецкого языка. Он дает характеристики грамматических школ в средневековой османской Турции и подробно останавливается на особенностях движения за демократизацию турецкого языка в Турецкой республике. В «Очерке» отмечены этапы эволюции письменно-литературного турецкого языка,³² а также характерные черты турецкого языкознания в Турции.³³ Связывая эти процессы с переломными событиями в истории турецкого общества и государства, «Очерк» способствует более глубокому пониманию ряда проблем историко-культурного развития Турции. Отрадно отметить, что в настоящее время А. Н. Кононов готовит второе, значительно расширенное издание этого труда.

Вторая книга, возникшая из опыта научно-педагогической деятельности А. Н. Кононова в Ленинграде, посвящена истории Ленинградского Восточного института.³⁴ А. Н. Кононов составил общий план этой книги, написал предисловие, введение, заключение, все основные главы и отредактировал разделы, представленные его соавтором И. И. Йоришем. В ней прослежена история ЛВИ от основания до ликвидации (1920—1938 гг.), охарактеризованы организационная структура, содержание программ и учебного процесса, различные научные и учебные учреждения, существовавшие при институте. В ЛВИ, как показано в книге, были собраны лучшие востоковедные силы страны того периода, в результате чего он воспитал первый отряд востоковедов-практиков и исследователей — «специалистов советской формации»,³⁵ обеспечил подготовку и издание большого числа учебных пособий (грамматик, словарей, хрестоматий) и монографий по истории, экономике, литературе и языкам народов Востока. Опыт его деятель-

ности был учтен в послевоенный период, когда в связи с резким расширением и углублением деловых, дружеских отношений СССР с государствами зарубежной Азии и Африки в стране был организован ряд новых вузов по подготовке востоковедных кадров.³⁶

За годы своей многоплановой научной деятельности А. Н. Кононов неоднократно обращался к изучению выдающихся памятников тюркской письменности, имеющих прямое отношение к истории тюркских народов. Он выступает как тюрколог-историк и историограф востоковедения во введении к публикации текста в своей докторской диссертации «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского», в статьях, посвященных изучению сочинения того же автора «Родословная тюрков» и «Словаря тюркских наречий» Махмуда Кашгарского, в послесловии к изданию выполненного С. Н. Ивановым перевода поэмы Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание»,³⁷ а также многих трудах советских историков, литературоведов, лингвистов, опубликованных под его редакцией, в рецензиях.³⁸

Оценка вклада А. Н. Кононова в разработку истории отечественного востоковедения требует обязательного учета еще по меньшей мере двух аспектов его научной деятельности: 1) создание им галереи творческих портретов русских и советских ориенталистов, в том числе тюркологов, 2) ознакомление зарубежных научных кругов с достижениями отечественного востоковедения, русской и советской тюркологии.

Трудно переоценить научное и общественное значение хорошо известных востоковедам разных специальностей статей А. Н. Кононова о тех, кто своим упорным трудом и талантом прославил русскую и советскую ориенталистику, прежде всего отечественную тюркологию. Даже простое перечисление имен — В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, А. Н. Генко, С. С. Джикия, В. М. Жирмунский, И. А. Киссен, Н. И. Конрад, И. Ю. Крачковский, Д. А. Магазаник, С. Е. Малов, А. Е. Мартынец, П. М. Мелиоранский, М. С. Михайлов, А. П. Поцелуевский, В. В. Розен, А. Н. Самойлович, Э. В. Севортян, Х. Д. Френ — показывает, что А. Н. Кононовым написана еще одна история отечественного востоковедения — в биографиях ученых, деятельность которых отражает определенную ступень в развитии русской и советской ориенталистики — тюркологии, арабистики, иранистики, японоведения, изучения истории, литературы, языков и культуры стран Востока.³⁹

Здесь нет ни возможности, ни необходимости вдаваться в рассмотрение каждого из посвящений, будь то памятное «Слово» или юбилейное чествование. Хотелось бы только подчеркнуть, что выполнение этой благородной задачи, которую добровольно и с полным осознанием ответственности возложил на себя А. Н. Кононов, требует от автора гражданского мужества, большой востоковедной эрудиции, знания эпохи и проблем и достижений разных отраслей востоковедения на определенном этапе их развития, наконец, владения научным методом оценки роли личности в исто-

рии. Этот метод исследования творческого пути деятелей науки, их вклада в ее развитие лучше всего характеризуют слова, написанные А. Н. Кононовым в одной из статей о В. В. Бартольде: «Для объективной оценки вклада любого ученого в развитие науки необходимо иметь ясное представление о состоянии данной отрасли науки до него. . . Оценка научного наследия и научной деятельности любого ученого требует. . . строго диалектического подхода, учитывающего факторы в р е м е н и и м е с т а, то есть условий, в которых происходило формирование научного мышления ученого».⁴⁰ Высшими качествами ученого А. Н. Кононов называет стремление к истине, патриотизм, готовность отдать свои знания людям, то есть общественную пользу его деятельности. Именно с этих позиций и освещает он в своих памятных статьях личность, жизнь и труды подвижников русской и советской ориенталистики.

Широко известны и признаны заслуги А. Н. Коконова в пропаганде достижений отечественного востоковедения, русской и советской тюркологии за пределами нашей Родины. Он выполнял и продолжает выполнять эту высокую миссию как активный участник ряда международных конгрессов и совещаний востоковедов, как член многих иностранных национальных и международных востоковедных обществ: Турецкого лингвистического общества (с 1957 г.), Научного общества венгерских ориенталистов (с 1970 г.), Венгерской Академии наук (с 1973 г.), Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии (с 1974 г.), Польского товарищества востоковедов (с 1974 г.), Международного комитета доосманских и османских исследований (с 1974 г.), Финно-угорского научного общества (с 1974 г.), Финской Академии наук и литературы (с 1977 г.), Почетного комитета Лингвистического атласа Европы (с 1977 г.), Общества Урало-Алтаика (с 1982 г.). В 1976 г. Постоянная интернациональная алтаистическая конференция за успехи в алтаистических исследованиях наградила А. Н. Коконова золотой медалью Индианского университета (Блумингтон, США), а в 1978 г. он был удостоен диплома Турецкого лингвистического общества за успехи в изучении тюркских языков.

Существенным вкладом в ознакомление зарубежной научной общественности с историей и достижениями отечественного востоковедения явились доклады А. Н. Коконова на XXV и XXVII международных конгрессах востоковедов и на других международных научных форумах ориенталистов, а также его обзорные статьи по этим вопросам, опубликованные в иностранных, в том числе турецких, научных периодических изданиях.⁴¹ Они показывают, что во многих областях востоковедения и прежде всего в тюркологии советские ученые занимают лидирующее место в мировой ориенталистике.

Большая трудовая научно-педагогическая, организационная и общественная деятельность А. Н. Коконова высоко оценена Родиной, неоднократно отмечалась правительственными наградами.

Даже краткое обозрение публикаций А. Н. Кононова по истории русского и советского востоковедения показывает, сколь многоплановы и разнообразны его творческие интересы. Но при всем их разнообразии эти, как и другие его научные труды, отличает одно свойство — основательность, фундаментальность. В этом ярко отражаются свойства не только таланта, но и личности А. Н. Кононова как человека. Будучи сам неутомимым тружеником, Андрей Николаевич взыскателен и строг в работе, не терпит праздности. В то же время он всегда готов прийти на помощь советом и делом добросовестному, старательному ученику, содействовать научному росту своих младших коллег. Требовательность прежде всего к самому себе, организованность, обязательность и нелицеприятность наряду с признанным научным авторитетом обеспечивают А. Н. Кононову искреннее уважение учеников и товарищей по работе.

Таким образом, в лице А. Н. Кононова советская наука имеет достойного продолжателя дела славной когорты историографов отечественного востоковедения П. С. Савельева, В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. Все, кому дорого поддержание добрых традиций русской и советской ориенталистики, история которой дает неисчерпаемый материал для воспитания востоковедов нового поколения на примерах жизни и творческого служения науке их предшественников и учителей, горячо желают академику Андрею Николаевичу Кононову новых успехов и открытий в исследовании истории отечественного востоковедения, истории русской и советской тюркологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дюктябрьский период. Л., 1972, с. 8.

² Лукин Б. В. Академик А. Н. Кононов — историограф отечественной тюркологии и востоковедения. — СТ, 1976, № 3, с. 72—77; Иванов С. Н. О научной и педагогической деятельности Андрея Николаевича Кононова. — В кн.: Тугсологиса: К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976, с. 10.

³ Кононов А. Н. 1. Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955). — СВ, 1956, № 2, с. 83—90; 2) Крупнейший центр советского востоковедения. — Вестн. высш. школы, 1956, № 2, с. 32—36; 3) Восточный факультет Ленинградского университета (1855—1955). — Вестн. ЛГУ, 1957, № 8, вып. 2, с. 5—22; 4) Восточный факультет Ленинградского университета. — В кн.: Востоковедение в Ленинградском университете. Л., 1960, с. 3—31.

⁴ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л., 1925, с. 232.

⁵ Кононов А. Н. Восточный факультет Ленинградского университета, с. 22.

⁶ Кононов А. Н. Востоковедение. — В кн.: История Академии наук в трех томах. Т. 1 (1724—1803), М.; Л., 1958, с. 406—410; Т. 2 (1803—1917), М.; Л., 1964, с. 218—227, 621—634.

⁷ Кононов А. Н. Востоковедение. — В кн.: История Академии наук СССР, т. 2, с. 227.

⁸ Там же, с. 627.

⁹ Там же, с. 633.

¹⁰ Кононов А. Н. Академик Игнатий Юлианович Крачковский: (К столетию со дня рождения: 1883—1951). — Изв. АН СССР, Сер. лит. и яз. 1983, т. 42, № 4, с. 377.

¹¹ См., например: Кононов А. Н. Столетие Восточного факультета. . ., с. 86.

¹² Там же, с. 87.

¹³ Кононов А. Н. 1) Из истории изучения турецкого языка в России (до XX столетия). — В кн.: Научная сессия 1952—1953 гг. (ЛГУ): Тезисы докладов по секции востоковедческих наук. Л., 1953, с. 4—5; 2) Из истории отечественной тюркологии. — Учен. зап. ИВАН, 1953, т. 6, с. 269—275; 3) К истории русской тюркологии (до XX в.). — В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока: Сб. в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960, с. 202—214.

¹⁴ Кононов А. Н. К истории русской тюркологии. . ., с. 206.

¹⁵ Там же, с. 214.

¹⁶ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дюктябрьский период. Л., 1972; изд. 2-е, исправл. и допол. Л., 1982 (далее ссылки на это издание).

¹⁷ См., напр., рец.: Э. Н. Наджиба (СТ, 1972, № 5, с. 123—125) и Г. Ф. Благовой (НАА, 1973, № 3, с. 191—186); также: Лукин Б. В. Академик А. Н. Кононов. . ., с. 74—75.

¹⁸ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России, с. 10.

¹⁹ Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов: Дюктябрьский период / Под ред. и с введением А. Н. Кононова. М., 1974.

²⁰ В Турции обе книги получили положительный отклик в рец. А. Дильачара: Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten, 1975—1976. Ankara, 1976, s. 261—275.

²¹ Их полный перечень на конец 70-х годов см. в кн.: Андрей Николаевич Кононов / Вступ. статья С. Н. Иванова. Библиография составлена А. П. Векиловым и Л. М. Жуковой. М., 1980, с. 29—46.

²² Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, с. 4.

²³ Кононов А. Н. Тюркская филология в Академии наук. — ВЯ, 1974, № 3, с. 38.

²⁴ Кононов А. Н. Тюркская филология в СССР, с. 9—24.

²⁵ Там же, с. 25—44.

²⁶ Кононов А. Н. Современное тюркское языкознание в СССР: Итоги и проблемы. — ВЯ, 1977, № 3, с. 13—26.

²⁷ Впервые вопрос о необходимости создания объединения советских тюркологов был поставлен А. Н. Кононовым еще в 1959 г. См.: Кононов А. Н. О некоторых вопросах дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР. — Вестн. АН СССР, 1959, № 5, с. 140—141.

²⁸ См. примеч. 21.

²⁹ Кононов А. Н. 1) Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967. — ТС. 1970. М., 1970, с. 5—28; 2) Тюркология. — В кн.: Азиатский музей — ИО ИВ АН СССР. М., 1972, с. 400—427.

³⁰ Кононов А. Н. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, с. 3.

³¹ Рец. на этот труд опубликовали: А. Курбанов и А. Шукюров (СТ, 1978, № 1, с. 103—106), А. Dilâçar (Türk Dili, Ankara, 1977, No. 312, s. 262—263), X. Celnaróva (Asian and African Studies, Bratislava, 1978, No. 14, p. 258—260), K. H. Menges (Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden, 1977, No. 49, S. 149—151), Hasan Eren (Türk Dili araştırmaları yıllığı, Belleten, 1978—1979, Ankara, 1981, s. 265—270).

³² Капитально этот вопрос разработан А. Н. Кононовым в статье: К истории формирования турецкого письменно-литературного языка. — ТС, 1976. М., 1978, с. 256—287.

³³ Подробнее см.: Кононов А. Н. О тюркском языкознании в Турции. — НАА, 1965, № 6, с. 225—228.

³⁴ Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский Восточный институт: Страница истории советского востоковедения. М., 1977.

³⁵ Там же, с. 121.

³⁶ См. также рец. А. М. Куликовой (НАА, 1978, № 4, с. 239—240).

³⁷ Кононов А. Н. 1) Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958, с. 7—32; 2) История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков». — СТ, 1971, № 1, с. 3—12; 3) Изучение «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгарского в Советском Союзе. — СТ, 1973, № 1, с. 3—9; 4) Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание». — В кн.: Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Изд. подготовил С. Н. Иванов. М., 1983, с. 495—517.

³⁸ См. примеч. 21.

³⁹ Кононов А. Н. 1) Памяти А. П. Поцелуевского. — УЗ Ашхабадск. пед. ин-та, 1951, т. 4, с. 161—165; 2) Памяти Сергея Ефимовича Малова (1880—1957). — НДВШ ФН, 1958, № 1, с. 172—174; 3) Михаил Семенович Михайлов: (К 70-летию со дня рождения). — НАА, 1966, № 2, с. 229—230; 4) Памяти Михаила Семеновича Михайлова. — НАА, 1969, № 6, с. 240—241; 5) Слово о Николае Иосифовиче Коираде: (К 75-летию со дня рождения). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966, т. 25, вып. 2, с. 164—166; 6) А. Н. Генко — лингвист. — НАА, 1967, № 3, с. 219; 7) Памяти Дмитрия Афанасьевича Магазаника. — НАА, 1968, № 5, с. 210—212; 8) П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология. — СТ, 1970, № 1, с. 16—23; 9) В. В. Бартольд — выдающийся востоковед: (К 40-летию со дня смерти). — СТ, 1970, № 6, с. 56—61; 10) Владимир Васильевич Бартольд. — НАА, 1971, № 1, с. 220—222; 11) Виктор Максимович Жирмунский как тюрколог. — СТ, 1971, № 5, с. 102—107; 12) В. В. Радлов и отечественная тюркология. — ТС. 1971. М., 1972, с. 7—15; 13) А. Н. Самойлович — грамматист. — СТ, 1973, № 5, с. 37—48; 14) А. Е. Мартынец (некролог). — СТ, 1975, № 3, с. 125—126; 15) Слово о Эрванде Владимировиче Севортяне: (К 75-летию со дня рождения). — СТ, 1976, № 5, с. 100—102; 16) Сергей Симонович Джикия: (К 80-летию со дня рождения). — СТ, 1978, № 5, с. 108—109; 17) Академик Игнатий Юлианович Крачковский: (К 100-летию со дня рождения). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983, т. 42, № 4, с. 374—382; см. также: ППИКВ, XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, М., 1983, ч. 1, с. 11—24; 18) Слово о Х. Д. Френе. К 200-летию со дня рождения. — ППИКВ, XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, М., 1983, ч. 1, с. 3—11; 19) Б. Я. Владимирцов — тюрколог. (1884—1931). — СТ, 1984, № 4, с. 44—52.

⁴⁰ Кононов А. Н. В. В. Бартольд — выдающийся востоковед, с. 56—58.

⁴¹ Кононов А. Н. 1) Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; 2) Some problems relating to the Study of the History of Orientalology in the USSR. Moscow, 1960, 33 p.; 3) Turkic Linguistics in the USSR (Problems in Retrospect): XXVII International Congress of Orientalists Papers presented by the USSR delegation. Moscow, 1967, 13 p.; 4) Turkic Philology: Fifty years of Soviet Oriental Studies. Moscow, 1967, 53 p.; 5) *Torök Filologia a Szovjetunióban 1917—1962* (Изв. отдела языкознания и литературоведения Венгерской АН, 1, 1967, № 24, с. 3—28); 6) *Türkische Philologie in der UdSSR: 1917—1967*. — *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*. Bd. XVII, H. 2, Berlin, 1971, S. 293—317; 7) *Altaic Linguistics in the USSR: A brief Survey*. — *Permanent International Altaistic Conference. News Letter*, No. 7, 1972, p. 9—21; 8) А. Н. Кононов. Тюркское языкознание в СССР: Некоторые итоги 1973—1976 гг. — In: *Altaica. Proceedings of the 19th annual meeting of the permanent international altaistic conference. Held in Helsinki 7—11 June 1976*. Helsinki, 1977, p. 143—156; 9) A. N. Kononov 1) *Son yıllarda SSCB'nde Türkoloji Araştırmaları*. — In: *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. 1964. Ankara, 1965, s. 113—126; 10) *Sovyetler Birliğinde Kaşgârlı Mahmut'un Divanının konu alan araştırmaları*. — In: *Türk Dili Bilimsel Kurultayında Sunulan Bildiriler*, 1972. Ankara, 1975, s. 393—399; 11) *SSCB'de Türkiye Türkçesi dilbiliminin gelişmesi*. — In: *Nesin Vakfı. Edebiyat yılığı*, 1979. İstanbul, 1979, s. 441—451.